

Темушев, С.Н. Миниатюры Радзивилловской летописи как источник по проблеме функционирования налогово-даннической системы домонгольской Руси / С.Н. Темушев // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 9 / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мн.: БДУ, 2014. – с. 98 – 114.

С. Н. ТЕМУШЕВ

МИНИАТЮРЫ РАДЗИВИЛЛОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ КАК ИСТОЧНИК ПО ПРОБЛЕМЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАЛОГОВО-ДАНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

Источником получения дополнительной информации о функционировании налогово-даннической системы Древней Руси домонгольского периода послужили миниатюры Радзивилловской летописи. На 18 летописных миниатюрах отражен сюжет взимания дани-контрибуции, дани-налогов и дара. Миниатюры представляют начальный этап складывания фискальной системы Древнерусского государства, позволяют уточнить содержание взимаемой дани, прояснить некоторые искаженные фрагменты летописного текста.

In this article as the object of the study is miniatures of Radziwill Chronicle, which serve as a source of additional information on the functioning of taxes-tributary of Ancient Rus pre-Mongol period. The plot of levying tribute-contribution, tributes-taxes and the donative directly reflected by 18 miniatures of chronicle. Miniatures quite fully represent the initial stage of folding of the fiscal system of the Old Russian state. The study of this specific source allows to clarify the content of the levied tribute: detectable in the text indication of the collection of taxes in furs could mean the cash equivalent. In addition, the miniatures can clear up some distorted fragments of the text of the chronicle.

Ключевые слова: книжная миниатюра, Радзивилловская летопись, налоги, дань-контрибуция, дар, фискальная система, «черные куницы», «белые веверицы», гривны.

Keywords: Miniature book, Radziwill chronicle, taxes, tribute-contribution, donative, fiscal system, «chernye kunitsy» (peltry), «belye veveritsy», hryvnia.

Миниатюры древнерусских летописей имеют солидную историографию [37, с. 6]. И хотя монографических исследований, предметом которых стало бы рассмотрение летописных миниатюр как историче-

Цемушаў Сцяпан Мікалаевіч — дацэнт кафедры гісторыі Расіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук.

ских источников, появилось немного, этот вид источников с разной степенью полноты учитывается во многих работах, посвященных тому или иному аспекту истории Древней Руси, прежде всего развитию древнерусского искусства.

Миниатюры, названные А. В. Арциховским «окнами, сквозь которые можно смотреть на исчезнувший мир Древней Руси» [8, с. 4], были подвергнуты обстоятельной внешней и внутренней критике. И если в историографии XIX — начала XX в. господствовало мнение о небольшом значении для восточнославянской истории [27, с. 8], то в последующем отношение к миниатюрам меняется. Важный вывод исследователей советского периода состоял в том, что изображения различных событий древнерусской истории в миниатюрах точно соответствуют археологическим материалам X—XII вв. [22, с. 189]. «Реабилитация» древнерусских миниатюр выразилась в более пристальном внимании к ним исследователей истории Древней Руси. О. Н. Подобедова пришла к выводу, что наряду с выяснением эволюции социально-исторических представлений и изучением материальной культуры «миниатюры как таковые могут служить источником известий о конкретных исторических событиях» [19, с. 34]. Работы советских историков отклонили мнение о заимствованном характере древнерусских миниатюр, более того, изучение этих источников привело к выводу, что миниатюристы были отдаленно знакомы с западноевропейской культурой [36, с. 283].

Некоторые затронутые А. В. Арциховским сюжеты получили дальнейшую разработку в трудах советских и современных исследователей. Тематика их работ, основанных на анализе данных древнерусских книжных миниатюр, разнообразна: изображение музыкальных инструментов (М. Г. Рабинович, Н. Н. Розов) и знамен (М. Г. Рабинович), сельскохозяйственных орудий (А. Д. Горский), купцов (А. Л. Хорошкевич), «санитарного быта и народного врачевания» (Н. А. Богоявленский), доспехов и оружия (А. Н. Кирпичников), животных (Я. С. Лурье, О. В. Белова, А. В. Чернецов, В. П. Данильченко, А. П. Толочко) [35], различных исторических персонажей (Н. Н. Розов, А. В. Чернецов, Ю. А. Грибов), проявлений смеховой культуры (С. В. Сазонов), архитектуры (М. И. Мильчик, Т. Д. Панова, Н. Ю. Маркина, О. Г. Ульянова, С. С. Подьяпольский) и др. В книжных миниатюрах нашли отражение история естественнонаучных представлений (Р. А. Симонов, Л. М. Костюхина), язычества и суеверий (А. В. Чернецов) [37, с. 413—445], события военной и политической истории (Б. А. Рыбаков [24], Б. В. Сапунов [25], А. И. Рогов [21]).

Следует отметить, что для реконструкции политической истории Древней Руси книжные миниатюры используются реже, чем при изучении материальной культуры. Миниатюры заключают в себе значительный информационный потенциал, раскрытый еще совершенно недостаточно. Можно отметить удачную попытку белорусского исследователя А. В. Мартынюка рассмотреть особенности восприятия Золотой Орды в русском обществе и образ правителей ВКЛ на основе анализа миниатюр лицевого свода Ивана Грозного [15—17]. Значительный информационный потенциал заложен в миниатюрах и по проблеме функционирования налогово-даннической системы Древней Руси. В целом мнение А. В. Арциховского, высказанное около 70 лет назад, о том, что древнерусские миниатюры находятся вне внимания историков [8, с. 3], уже не соответствует действительности.

Из немногочисленных лицевых, т. е. снабженных миниатюрами, древнерусских рукописей, сохранившихся до наших дней, наибольшую ценность для реконструкции различных сторон истории русского Средневековья представляет Радзивилловская (Кенигсбергская) летопись. Филигранные листы позволяют довольно точно определить время составления памятника — конец XV в. (после 1494 г.) [18, с. 543]. Остаются нерешенными вопросы о месте создания летописи (Новгород [27, с. 50], Смоленск [23, с. 280, 281], Москва, Владимир-Волынский [18], Кирилло-Белозерский монастырь [11]), ее источниках и времени создания протографов миниатюр. Высказано предположение, что собственно Радзивилловская летопись является копией более ранних сводов (возможно, двух, отличающихся характером, миниатюр или же одного лицевого свода 1206 г.) [23, с. 280, 281] или оригинальным произведением, созданным в результате творческой переработки нескольких иллюминированных летописей [20, с. 80—86].

В. И. Сизов считал, что над иллюстрациями Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи работали трое мастеров [27, с. 46, 47], после исследования М. И. Артамонова [7, с. 3—27] утвердилось мнение о создании миниатюр Радзивилловской летописи двумя художниками. Манера исполнения ими миниатюр была различной: если для первого мастера (миниатюры до л. 194) [36, с. 275] характерны архаизм форм и композиции, использование некоторого количества шаблонных форм, то рисунки второго отличаются размашистостью, бойкостью, живостью передачи движения, «они производят впечатление небрежных набросков, однако более грамотно нарисованных и более реалистичных...» [7, с. 5—9]. При этом второй мастер, редактируя работу первого, заклеивал размещенные

не на своем месте миниатюры первого мастера, нанося поверх свои рисунки. В любом случае в своей ученической и архаичной манере первый художник в большей степени следовал раннему оригиналу [36, с. 275]. Важно, что именно первым мастером-изографом выполнены миниатюры, иллюстрирующие функционирование налогово-даннической системы Древней Руси. Следовательно, эти миниатюры с большой долей вероятности повторяют изображения, присутствовавшие в летописном своде начала XIII в. (Владимирском лицевом своде 1212 г.) [23, с. 300].

Миниатюры Радзивилловской летописи, в которых отражено функционирование налогово-даннической системы Древней Руси (около двух десятков иллюстраций), до настоящего времени не были предметом специального исследования, но некоторые наблюдения были сделаны. Так, В. И. Сизов обратил внимание на головные уборы и одежду персонажей, приносящих дань, кроме того, выделил сцены выплаты слитками серебра, т. е. гривнами [27, с. 20, 22, 25, 26, 45]. Кондаков, предполагавший заимствованный (из греческих оригиналов) характер большинства миниатюр Радзивилловской летописи, отнес изображения с данью мехами (л. 5) и «рублями-гривнами» (л. 35 об.) к числу «характерно-русских» [10, с. 123]. В межвоенный период специальное исследование миниатюрам Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи посвятил М. И. Артамонов, который предположил, что изображение на л. 8 было приспособлено к испорченному тексту, вследствие чего на миниатюре, иллюстрирующей сбор дани по «беле веверице», появилось несколько женщин [7, с. 10]. В исследовании миниатюр, осуществленном А. В. Арциховским, были затронуты и сюжеты приношения налогов-дани. Ученый считал, что эти миниатюры принадлежали первому мастеру (из двух), который наиболее точно копировал древние образцы. А. В. Арциховский отметил присутствующие в миниатюрах со сценами взимания дани гривны (л. 46) [8, с. 13] и проанализировал значение элементов пейзажа на ряде из них [8, с. 14]. Ценным является наблюдение историка об изображении приношения в качестве дани мехов даже в тех случаях, когда в тексте характер собираемой дани не описывается. Таким образом, для позднейшего иллюстратора (или его предшественника, стоявшего ближе к иллюстрируемым событиям) этот вид дани представлялся естественным [8, с. 25].

Значительное внимание уделил источниковедческим проблемам летописных миниатюр советский историк Б. А. Рыбаков. Ученый принял мнение О. И. Подобедовой о копировании на широкий формат листа Радзивилловской летописи миниатюр узкого формата, рассчитанных на

ширину одного столбца. Поэтому художник XV в. мог механически соединить два различных рисунка в один [20, с. 55—62]. Б. А. Рыбаков учитывает вероятность «сдваивания» рисунков в связи со стремлением художника показать динамику развития одного события [22, с. 190]. Однако применительно к миниатюрам, иллюстрирующим ранний этап складывания налогово-даннической системы, историк разделяет мнение О. И. Подобедовой, указывая на искусственное и нелогичное соединение в миниатюрах о наложении дани на подчиненные Олегом племена (л. 11 об.) нескольких сюжетов [22, с. 199]. По-видимому, в этом случае имела место демонстрация развернутого во времени сюжета: покорения, признания власти и, как следствие этого, выплаты дани.

Таким образом, миниатюры, отражающие «данническую» тематику, хотя отмечались исследователями, но не были выделены в особый комплекс и не получили обстоятельного анализа.

Приступая к анализу миниатюр, сюжетно связанных с функционированием налогово-даннической системы Древней Руси, необходимо отметить определенную статичность в отображении взаимоотношений населения и власти на протяжении всего домонгольского периода. Хотя налогово-данническая система претерпела определенную эволюцию, изменилось содержание налогов-дани или окладной единицы [26], сам характер взаимоотношений. Так, со временем необязательным становится личное присутствие фигуры, олицетворяющей верховную власть, хотя дань (в том числе и в Новгородской боярской «республике») продолжают собирать на имя князя. Первоначально отношения приносящей и принимающей стороны могли рассматриваться как отношения равных (дар требует возмещения по принципу «do ut des»): выполняемая вождем общественно важная работа получала возмещение через дары, подношения [31, с. 110]. Летописные миниатюры (как и текст) представляют отношения принимающей и дающей сторон в стандартной форме господства и подчинения. На иллюстрациях присутствует фигура, олицетворяющая власть (князь на столе-престоле), с характерным жестом принятия подношений (полусогнутые в локте руки; открытые ладони, обращенные вверх). Напротив в подобострастной позе стилизованно изображаются представители племени, народа, населения города и т. п., приносящие дань (дар, подати). Их спины склонены в знак покорности, руки полусогнуты (в жесте подаяния, отдачи чего-либо), в них может помещаться сама дань (чаще всего — меха).

Начальный этап складывания налогово-даннической системы Древней Руси иллюстрируют три миниатюры (л. 8 и две на л. 11об.). Под

859 г. в летописи содержится сообщение о разделе территории расселения славян в Восточной Европе между варягами и хазарами: «Имаху дань варязи из замория в чюди, на словенех, на мерях и на всех кривичех. А козаре имаху на полах, и на севере, и на вятичех, имаху по беле и девеци от дыма» [6, с. 16]. Иллюстрирующая эту ситуацию миниатюра состоит из двух частей. С правой стороны от рисунка помещена подпись: «Имаху варязи дань». В этом случае художник стремится отразить не динамику событий, а ситуацию во всей полноте — приношение дани и варягам, и хазарам. Как представляется, подпись к рисунку относится ко всей миниатюре, а не к правой ее части. С правой стороны показано приношение дани хазарам, а с левой — варягам. Следует отметить наблюдение Д. С. Лихачева о том, что миниатюры необходимо «читать» в том же направлении, что и текст: «временная последовательность в миниатюре, если она охватывает несколько событий, также слева направо, то есть более ранние события изображаются слева, более поздние — справа» [13, с. 33]. На такое распределение двух частей миниатюры указывают и архитектура (каменная крепость с двускатной крышей присутствует и на других рисунках, изображающих хазарскую власть, см., напр., л. 7 об., верх), и наличие четырех фигур, приносящих дань (они олицетворяют четыре «племени» — словене, кривичи, чудь, меря). Иных признаков, которые позволили бы отнести крайнюю правую или левую фигуры к хазарам или варягам, на рассматриваемой миниатюре нет. Так, на рисунке на л. 7 об. хазарский правитель изображен в коротком платье, на рисунке на л. 34 (верх) хазарин в головном уборе с заостренным (а не закругленным, как у русских князей) верхом. Это схематичная иллюстрация призвана показать данническую покорность.

По мнению же М. И. Артамонова, на левой части миниатюры на л. 8 изображен данник с беличьей шкуркой и девицами, стоящими перед хазарским каганом. Решая проблему соотношения этого изображения с текстом, ученый, опровергая мнение А. А. Шахматова [38, с. 30], указывает, что «содержание миниатюры приспособлено к испорченному тексту, а не текст испорчен вследствие влияния миниатюры» [7, с. 10]. Этот вывод поддержал и Д. С. Лихачев, предположивший, что описка «девеци» вместо «веверици» имела уже в тексте оригинала Радзивилловского списка (начала XIII в.) [14, с. 428].

По-видимому, именно рисунок повлиял на изменение текста составителем летописного свода конца XV в. Для летописца конца позднего Средневековья выражение «имажу по белеи веверице от дыма» [2, стб. 19; в Ипатьевском списке: «имажу по белеи веверици тако от дыма».

1, стб.; 14, в интерпретации издателя Повести временных лет: «по беле и веверице от дыма». 4, с. 12.; позднее Д. С. Лихачев признал правильным написание «по белей веверице», предполагая сбор дани шкурками зимней, белой белки. 14, с. 157] было непонятным, и, сообразуясь с изображением протографа, он его переосмыслил. Слово «бела» («белка») было обычным для обозначения мелкого пушного зверька и его меха в XV в. (по письменным источникам известно с XII в.) [28, с. 130, 133, 134], слово «веверица» же если и не выпало из лексикона русского населения Северо-Восточной Руси ко времени образования Российского государства [29, стб. 477], то превратилось в архаизм [определение-прилагательное «белая», означавшее зимнего, белого зверька (зимний мех, как более прочный, больше ценился), рано вытеснило существительное «веверица» и само приняло суффикс существительного «белка». 14, с. 157.]. Но в любом случае в понимании книжника конца XV в. в одной фразе не могло присутствовать два синонимичных понятия (белка, бела и веверица). Показательно уточнение, сделанное в поздней Никоновской летописи (в недатированной части): «О Варязехъ. Имаху дань Варязи, приходящее изъ заморіа, на Словенехъ, рекше на Новгородшехъ, и на Мещерехъ, и на Кривичехъ отъ мужа по беле и веверици. О Казарехъ. А Казари имаху дань на Полянехъ, и на Северянехъ, и на Вятичахъ по беле, рекше по векше, съ дыма» [3, с. 8]. Составитель Радзивилловского свода оказался менее эрудированным и непонятую фразу переосмыслил, сообразуясь с визуальным образом. Ни в одном другом списке Повести временных лет подобное прочтение («по беле и девеци») не встречается [9].

Однако нет уверенности в том, что в левой части миниатюры на л. 8 помещен хазарский каган, так же как и в изображении напротив этой фигуры данника именно с «девицами». Безбородые и безусые лица вовсе не являются свидетельством принадлежности данных персонажей к женскому полу. С такими лицами в Радзивилловской летописи изображались молодые мужчины (ср. л. 11 об., 42 об., 46 об. — юноши участвуют в жребии; л. 67 об. — безбородые мужчины «рубят» город), представители младшей дружины (на множестве изображений, см., напр., л. 67; на профессиональный статус указывают доспехи или наличие меча), младшие по статусу персонажи (на л. 9 — Аскольд и Дир перед Рюриком) и, на что следует обратить внимание, — представители иноэтничных (неславянских) племен. Так, на тематически близком и расположенном недалеко от рассматриваемой миниатюры рисунке на л. 5, принадлежавшем тому же художнику, обнаруживаются представители различных

народов («языцев»), которые дают дань Руси, среди них — фигура молодого человека, напоминающего мнимую «девицу» с л. 8. Бесспорно, на левой части миниатюры на л. 8 изображены представители четырех «племен» — словен, кривичей, чуди и мери, приносящих дань варягам.

А. В. Арциховский отмечал последовательное соблюдение строгого отношения к властной («феодальной») иерархии, к статусу и знакам достоинства представителей власти различных уровней [8, с. 28—30]. О. И. Подобедова отмечала, что в Лицевом летописном своде миниатюры показывают, «на основе каких прав («по отчине и дедине»), на основании какой документации («ханский ярлык») и с поддержкой каких слоев населения (бояре, воины) сел на престол великий князь владимирский или московский» [20, с. 319]. Эти наблюдения ценны и при анализе отражения в миниатюрах становления налогового-даннической системы. Как составитель летописи в тексте, так и художник через миниатюры намеренно акцентировали внимание на обстоятельствах и причинах возникновения даннической зависимости. В качестве таковых во всех случаях называется (в том числе и изобразительными средствами) завоевание.

Возложение дани (со временем трансформирующейся в регулярные выплаты — налоги) в результате завоевания иллюстрируют семь миниатюр, шесть из них относятся к начальному этапу становления налогового-даннической системы Древней Руси (л. 8, две на л. 11 об., л. 20 об., л. 34 об., л. 46, л. 164), одна показывает наложение внешних обязательств в форме выплаты дани-контрибуции (л. 164). Миниатюры почти шаблонно передают ситуацию подчинения: во всех случаях князь сидит на престоле, принимая приношения от представителей разных «племен». Но есть и отличия, как на миниатюре (на л. 8), показывающей выплату дани (по «белеи веверице») [2, стб. 19] славянскими и финскими племенами Восточной Европы внешним завоевателям, так и на других миниатюрах указанием на факт завоевания служит меч, придерживаемый князем у левого бедра. Непосредственно начальный этап складывания налогового-даннической системы нашел отражение в двух миниатюрах, относящихся к первым годам правления Олега в Киеве. Согласно летописи на следующий год после захвата Киева Олег «поча воевати» на «деревяны», «и примучивъ а, и имаше на них дань по черне куне» [6, с. 17]. В 884 г. Олег «победи северяны» и «възложи на нь легку, не даи имъ козаром дани платити» [6, с. 18]. Иллюстрирующие эти события миниатюры (на л. 11 об.), несмотря на шаблонность, несколько отличаются друг от друга. Так, миниатюра, расположенная на л. 11 об. сверху, состоит из двух частей. В композиции слева фигура князя на столе, к которо-

му обращается группа правителей (на их статус указывают шапки с медовой оторочкой), справа — к князю обращаются двое без головных уборов, в качестве дани предлагается горшочек. На расположенной ниже миниатюре к князю, изображенному в позе с жестом благосклонного принятия приношений (полусогнутые в локте руки), обращены три фигуры, размещенные на равном расстоянии слева направо. В руках двух ближайших к князю фигур находятся дары («горшочек» и «короб»). По предположению Б. А. Рыбакова, в этом случае присутствует ошибочное объединение двух тематически различных миниатюр двухколонного оригинала в широкоформатной копии. Левая половина миниатюры не соотносится с окружающим ее текстом, поскольку изображает трех князей в княжеских шапках, подносящих сидящему на стожке Олегу меч. Расположенная на том же листе ниже миниатюра показывает, как «простые древляне и радимичи несут новому киевскому князю горшочки с медом и коробки». Место этой миниатюры, считал Б. А. Рыбаков, — перед выше расположенными рисунками [22, с. 198, 199]. Скорее всего, такое понимание содержания миниатюр ошибочно. Помещенная ниже на л. 11об. миниатюра иллюстрирует приношение радимичами «лёгкой дани». Верхняя же миниатюра, состоящая из двух частей, дает развернутый сюжет: сначала правители древлян изъявляют покорность князю Олегу, а затем представители этого племени приносят дань. Возможно, миниатюра дополняет информацию летописи, указывая на мирное подчинение древлян киевскому князю. На такую интерпретацию содержания рассмотренных миниатюр наталкивают и последующие изображения с покорением Киевом соседних племен. Не исключено, что иллюстратору летописи могли быть известны другие версии события, нежели те, что были изложены в тексте [14, с. 426, 427].

Особого внимания требует миниатюра на л. 34, правая половина которой, по мнению А. В. Арциховского, изображает первую встречу вятичей с князем Святославом [8, с. 15]. Рассматривая изображение, ученый делает интересное наблюдение, связанное с последовательным (выявлено 4 случая) соединением вятичей с изображением леса (в виде нескольких зеленых и красных деревьев, а в случае с миниатюрой на л. 34 — зеленого, обведенного волнистой чертой фона за фигурами представителей племени вятичей). Поскольку в сопровождающем тексте упоминаний о лесе нет, то следует предположить, что оригиналы данных рисунков были созданы в те времена, когда земля вятичей ассоциировалась с лесными пространствами [8, с. 14, 15]. Однако общая интерпретация А. В. Арциховского миниатюры на л. 34 представляет-

ся ошибочной. Прежде всего обращает на себя внимание разное изображение правителя на престоле («стольце») — в правой и левой частях миниатюры должен быть Святослав Игоревич. Хотя тематически эти два рисунка между собой не связаны (на левом князь отправляет своих людей «ко странам» с посланием: «Хоцю на вы ити») [6, с. 33], но их должен объединять герой повествования — киевский князь Святослав. Чаще всего он изображается в коротком платье: таков он на миниатюре на л. 31 (в юности) и на л. 37, 38 об. (в зрелом возрасте). И на миниатюре л. 34 слева помещен Святослав. А на рисунке справа продемонстрировано приношение дани вятичами хазарскому кагану.

Сюжет с подчинением вятичей продолжает миниатюра на л. 34 об. Ее сопровождает лаконичная запись под 966 г. «Победи Святославъ вятичи и дань на них възложи» [6, с. 33]. В целом изображение шаблонно, за исключением перекрытия значительного пространства деревьями, которые показали особенность расположения страны вятичей. Под 981 г. летопись сообщает о повторном подчинении вятичей, на этот раз киевским князем Владимиром Святославичем: «Вятичи победи, и възложи на нь дань от плуга, якоже отец имаше» [6, с. 40]. Иллюстрирующая текст миниатюра (л. 46) повторяет предыдущие, только деревья решены в несколько иной художественной манере. Важным является изменившееся содержание дани (ранее — нечто в коробе, теперь — гривны).

В результате завоевания вынуждены выполнять даннические обязательства и расположенные на периферии Древней Руси народы. Так, под 1130 г. в летописи рассказывается об отправке киевским князем Мстиславом Владимировичем своих сыновей на чудь, «и взяша их, и дань на них възложиша» [6, с. 107]. На расположенной ниже миниатюре (л. 164) изображен один из сыновей киевского князя, сидящий на «стольце» и принимающий дань от представителей финно-угорского народа чудь. Ранее было обращено внимание на реалистичность изображения этой «народности». Три фигуры отличаются небольшим ростом, оригинальны их головные уборы («нечто вроде капора») и одежда в целом (изготовлена из меха или мехом подбита) [27, с. 25, 26]. На особенность мест проживания чуди указывают деревья на правой стороне миниатюры. Отличается своеобразием и характер приносимой дани — наряду с традиционной пушниной и мелкое рогатое животное (баран?) [8, с. 25].

Типологически близок к рассмотренной группе миниатюр рисунок к недатированному введению (на л. 5). Миниатюра имеет подпись: «Розные языки дань дают Руси». Выше расположен перечень балтских

и финских народов, находящихся в даннической зависимости от Руси (видимо, на момент создания Повести временных лет). В целом композицию миниатюры на л. 5 следует отнести к шаблонным. Принципиальным отличием является присутствие за спиной князя воина (в доспехах, со щитом в левой руке, с непокрытой головой). Д. С. Лихачев предположил, что это молодой безбородый писец, записывающий дань на листе [13, с. 32]. По-видимому, предпочтительнее видеть в этой фигуре не писца (в левой руке — не лист пергамента, а вполне определенно щит; такой же виден, например, на л. 73), а представителя дружины. В данном случае имеет место указание на роль дружинной организации в сборе налогов-дани. Именно представителям младшей дружины поручался сбор дани с подвластного населения и с периферийных племен [33].

Таким образом, в миниатюрах Радзивилловской летописи довольно полно представлен важнейший путь формирования даннической зависимости вследствие завоевания. Другой путь — трансформация добровольных приношений, даров, в том числе и оговоренных в особом договоре-«ряде» [39, с. 13] — почти не показан в иллюстративном материале. Сюжет даров-подношений населения князю отражен только в одной миниатюре на л. 199 об. Эта миниатюра примечательна тем, что значительно расширяет информацию летописного текста («Тогда же пришедше новгородци ко Гургеви, пояша у него сына Мстислава собе князя») [6, с. 127]. Текст только сообщает о приглашении новгородцами на княжение Мстислава Юрьевича под 1154 г., миниатюра же показывает развернутый сюжет представления князю посадником (?) иностранного посла или купца и подношения князю даров. На то, что это именно дары, а не дань, указывают непринужденные позы дарителей и само содержание подношений — некий сосуд и ритуальное полотенце. Ситуация приношения даров неоднократно демонстрировалась художником на страницах Радзивилловской летописи в связи с обстоятельствами русско-византийских отношений. В миниатюрах нашли отражение приношения даров греками Олегу (л. 15 об. верх; текст под 907 г.) [6, с. 20], Игорю (л. 23 низ; текст под 944 г.) [6, с. 25], Ольге (л. 32; текст под 955 г.) [6, с. 31], Святославу (л. 38, 38 об. — верх и низ, 39; текст под 971 г.) [6, с. 36]. На них позы приносящих дары в большинстве случаев (есть исключения) не демонстрируют унижение и покорность (спины выпрямлены, жесты свободны). Отличительной особенностью является своеобразие платьев, головных уборов греков и приносимых ими даров (отчасти напомним В. И. Сизову немецкие образцы) [27, с. 22].

Особенно своеобразна одежда греков на миниатюрах л. 15 об. и л. 32, показательны и «свободные» позы, и жесты приносящих дары. Контрастом по отношению к этим миниатюрам выглядит изображение (л. 34 об. низ.) приношения греками дани-контрибуции Святославу (текст под 967 г.: «и одоле Святослав болгары, и взя городовъ по Дунаю 80, и седе княжа ту в Переяславци, емля дань на грецехъ») [6, с. 33]. Присутствует тот же шаблон, который применялся для демонстрации даннической зависимости на миниатюрах, показывающих подчинение киевским князьям славянских «племен»: те же позы унижения и покорности, отсутствуют черты своеобразия во внешнем виде греков, хотя в облике князя Святослава присутствуют явные индивидуальные черты. Содержание приносимых греками даров принципиально отличается от даннических выплат внутреннего характера: никогда не встречаются меха, редко гривны (л. 32), в основном драгоценные сосуды (как исключение — меч, что связано с приведенной в летописи легендой о подношении греками Святославу оружия). В целом хотя художник и отличает дань, переходящую в регулярный налог, и дань-контрибуцию от дара, все же в общей композиции можно обнаружить значительное сходство. На всех рассмотренных миниатюрах одинаково показана принимающая дани и дары сторона: это персонифицированная власть, правитель, восседающий на столе-престоле; напротив (слева или справа) располагается дающая сторона, представленная всегда стоящими фигурами (как правило, в позе смирения, покорности). Стоит отметить одну из миниатюр, иллюстрирующую события междоусобицы 1096 года: Олег Святославич захватил Муромскую и Ростовскую земли, «и посажа посадники по городомъ, и дани поча брати» [6, с. 94]. При этом миниатюра (л. 136) в подробностях повторяет привычный шаблон: дань приносит именно князю, сидящему на «стольце».

Среди миниатюр Радзивилловской летописи удалось обнаружить изображение, на котором в ситуации выплаты дани-контрибуции показаны как равные стороны принимающая и дающая. На л. 174 об. проиллюстрирован эпизод междоусобной войны между киевским князем Всеволодом Ольговичем и Владимирком Володаревичем Галицким (под 1144 г.). Галицкий князь вынужден был признать превосходство киевского правителя и выплатить контрибуцию в 1200 гривен серебром [6, с. 112]. На миниатюре запечатлены два князя, сидящие на престолах напротив друг друга; рядом с киевским князем изображен стол, на котором разложены гривны. Художник в соответствии с привычным шаблоном изобразил равных по статусу лиц, но одна из сторон выплачивает

контрибуцию, ее нужно было как-то обозначить. Поэтому за спиной галицкого князя мастер поместил фигуру в традиционной позе покорности с соответствующим жестом (руки полусогнуты в локтях).

Рассматривая проблему содержания даннических выплат, нужно согласиться, что язык миниатюр требовал некоторой формализации и стабильности «знаковой системы» [13, с. 33]. Однако не во всех случаях, как считал Д. С. Лихачев, дань на миниатюрах была представлена только мехами, которые выступали в качестве условного обозначения уплаты дани. Если при иллюстрировании подношения даров обнаруживается значительное разнообразие предметов дара (почти нет повторений в рисунках), то внутренняя дань в большинстве случаев обозначается именно мехами (л. 5, 8, 20 об., 136, 164). Но кроме мехов в качестве дани на миниатюрах изображены: горшочек (дважды — на л. 8 и л. 11 об. верх, в 1-м случае наряду с мехами), сосуд в виде потира (л. 11 об. низ), короб (дважды — вместе с сосудом на л. 11 об. низ и на л. 34 об. верх), гривны новгородского типа (л. 46), гривны киевского типа (л. 174 об.) и баран (наряду с мехами — л. 164). Отметим, что горшочек и короб сами по себе не являются данью — это емкость для чего-то, вполне вероятно, для монет. Именно это предположили комментаторы миниатюр Радзивилловской летописи [12, с. 305]. Возможно также, что горшочки должны были указывать на мед, а коробки — на ткани. Кроме того, художник мог изобразить горшочки или коробки, не зная или не понимая, в чем конкретно заключалась выплата дани. В ряде случаев содержание дани прямо указано в тексте (например: в тексте дань «по беле и девеци», а на миниатюре — меха и горшочек; в тексте дань «по черне куне», а в руках данника — горшочек). Можно предположить, что в данном случае художник (несомненно, начала XIII в.) знал, что под «белыми веверицами» и «черными куницами» на самом деле подразумевается их денежный эквивалент, поэтому и изобразил горшочки, в которых находились монеты (для раннего периода — это арабские дирхемы). Как бы то ни было, необходимо учитывать, что чаще всего в отображении ранней восточнославянской истории в миниатюрах проявляется взгляд современника событий второй половины XII — начала XIII в. Это справедливо для иллюстрации функционирования налогово-даннической системы Древней Руси, особенно ее раннего этапа. Художник не знает не только точного содержания выплачиваемой дани (в денежном или натуральном виде), но и способа сбора дани (специальными лицами — представителями княжеской администрации, в ходе полюдья или в специальные пункты — погосты и т. д.).

В миниатюрах нашли отражение несомненные реалии первых веков существования Древнерусского государства. На выплату дани гривнами обратил внимание А. В. Арциховский, отметивший, что поскольку для XV в. денежные гривны были уже явлением «археологическим», то их точное отображение на миниатюрах является еще одним доказательством давности создания оригиналов рисунков [8, с. 14]. Соответствует домонгольскому периоду древнерусской истории и выплата дани мехами. Дань мехами подвластным населением Восточной Европы для периода IX—X вв. прослеживается по данным источников [34], кроме сообщений русских летописей, можно отметить свидетельство очевидца описываемых явлений — арабского путешественника Ибн Фадлана [5, с. 78]. Сами шкурки пушных животных (куниц) и способ их связки (в т. н. «круглый бунт») [8, с. 25] довольно точно отображены на миниатюрах.

В целом изучение миниатюр Радзивилловской летописи позволило прийти к следующим выводам:

1. В Радзивилловской летописи содержится 18 миниатюр (из 618), непосредственно отражающих функционирование налогово-даннической системы домонгольского периода Древней Руси. Обращает на себя внимание близость и даже тождественность изображений в летописи подношения даров, принятия дани-контрибуции и взимания налогов-дани. Во всех случаях на миниатюрах присутствует характерная композиция (князь на столе-престоле, пришедшие к нему люди в позах покорности и смирения).

2. В миниатюрах нашел отражение первоначальный этап складывания налогово-даннической системы Древней Руси. Обнаруживаются оба пути зарождения государственного фиска — от добровольных даров-подношений и через эволюцию дани-контрибуции [32].

3. В полной мере подтверждается сделанное Д. С. Лихачевым наблюдение, что в летописных миниатюрах «события чаще живописно “назывались”, чем описывались, поэтому они могли быть переданы более или менее условно одинаковыми приемами» [13, с. 28]. Взимание дани-налогов показывается почти во всех случаях однотипно: изображение фигур и поз принимающей и приносящей дани-налоги (дары) сторон передается одинаково, может меняться только «интерьер» и содержание приносимой дани. В некоторых случаях выбранный стереотипный прием передачи функционирования налогово-даннической системы в Радзивилловской летописи не соответствует тексту.

4. Изучение миниатюр позволяет прояснить темное место в тексте летописи о взимании варягами дани с «северной конфедерации племен»

«по беле и девечи от дыма». Это — явное искажение летописного выражения «по белеи веверице», читаемое в других списках Повести временных лет. Появление этого искажения непосредственно связано с обратным воздействием миниатюры на летописный текст (а не наоборот, как предполагал М. И. Артамонов).

5. Миниатюры позволяют уточнить содержание выплачиваемой дани или собираемых налогов (понятия смешиваются), при этом проясняются некоторые остававшиеся непонятными места в тексте. Так, наиболее частым является приношение дани в виде шкурок пушных зверей (л. 5, 8, 20 об., 136, 164). Но, что показательно, иллюстрирующая текст выплаты дани по «черне куне» миниатюра (11 об.) не содержит стандартной связки шкурок. Интерпретаторы миниатюры усмотрели в подношениях древлян князю Олегу монеты [12, с. 305] (на иллюстрации отчетливо изображен глиняный горшок). По-видимому, на миниатюре отображена выплата дани восточнославянскими союзами племен в денежном эквиваленте меховых шкурок [30].

6. Обращает на себя внимание особенность миниатюр, отражающих функционирование налогово-даннической системы домонгольской Руси. На всех миниатюрах подчиненные «племена» приносят дань именно князю, даже если это прямо противоречит тексту (л. 136: «посадники по городом дани поча брати»). Так, в представлении и составителя текста летописи, и изографа князь является единственным возможным адресатом дани [33].

7. Не следует преувеличивать значение миниатюр для реконструкции древнейших этапов функционирования налогово-даннических отношений в Древней Руси. Миниатюры, созданные в начале XIII в. (и скопированные или творчески переработанные в конце XV в.), отражали реалии времени. Так, средневековый художник не знал полюдья или сбора дани в погосты. Подчиненные «племена» в знак покорности приносили дань князю, сидевшему, как правило, в стольном городе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ипатьевская летопись // Полн. собр. русских летописей. 2-е изд. М. : Языки славянской культуры, 2001. Т. II. 648 с.
2. Лаврентьевская летопись // Полн. собр. русских летописей. 2-е изд. М. : Языки славянской культуры, 2001. Т. I. 496 с.
3. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полн. собр. русских летописей. М. : Языки русской культуры, 2000. Т. IX. 288 с.

4. Повесть временных лет / подгот. текста, пер. и коммент. Д. С. Лихачева ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Наука, 1996. 668 с.
5. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / пер. и коммент. А. П. Ковалевского; под ред. И. Ю. Крачковского. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1939. 242 с.
6. Радзивилловская летопись // Полн. собр. русских летописей. Л. : Наука, Ленинград. отд-е, 1989. Т. 38. 178 с.
7. *Артамонов М. И.* Миниатюры Кенигсбергского списка летописи // Изв. Гос. акад. истории материальной культуры. Т. X. Вып. 1. 1931. С. 1—28.
8. *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М. : Изд-во МГУ, 1944. 215 с.
9. *Кашианов С. М.* Возникновение дани в Древней Руси // От Древней Руси к России нового времени : сб. ст. к 70-летию А. Л. Хорошкевич. М. : Наука, 2003. С. 57—71.
10. *Кондаков Н. П.* Заметка о миниатюрах Кенигсбергского списка начальной летописи // Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1902. Т. II : Статьи о тексте и миниатюрах рукописи. С. 115—127.
11. *Кукушкина М. В.* К вопросу о месте происхождения Радзивилловской летописи в списке XV в. // Тр. отд. древнерус. лит-ры. 1996. Т. 50. С. 374—383.
12. *Кукушкина М. В., Белоброва О. А., Амосов А. А., Сергеева И. Н.* Описание миниатюр Радзивилловской летописи // Радзивилловская летопись. Текст. Исследование. Описание миниатюр. СПб. : Глаголь; М. : Искусство, 1994. С. 304—397.
13. *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. М. : Наука, 1979. 303 с.
14. *Лихачев Д. С.* Текстология (на материале русской литературы X—XVII вв.). СПб. : Алетей, 2001. 759 с.
15. *Мартынюк А. В.* Миниатюра «Убийство Миндовга»: источник и интерпретация // Навагрудчына ў гістарычна-культурнай спадчыне Еўропы (да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы) / рэдкал. : А. А. Каваленя, А. К. Кулак (сустаршыні) [і інш.]. Мінск : Рыфтур, 2010. С. 106—109.
16. *Мартынюк А. В.* Правители Великого княжества Литовского в миниатюрах Лицевого летописного свода XVI века // Верховная власть, элита и общество в России XIV — первой половины XIX в. Вторая междунар. науч. конф. : тез. докл. М., 2009. С. 98—100.
17. *Мартынюк А. В.* Русь и Золотая Орда в миниатюрах Лицевого летописного свода // Российские и славянские исследования : сб. науч. ст. Минск, 2004. Вып. 1. С. 61—70.
18. *Никитин А. Л.* О Радзивилловской летописи // Герменевтика древнерусской литературы / отв. ред. М. Ю. Люстров. М. : Языки славянской культуры ; Прогресс-традиция, 2004. Вып. 11. С. 526—557.
19. *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей. Из истории русского лицевого летописания XIII—XVI веков : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М. : Ин-т археологии АН СССР, 1961. 35 с.
20. *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М. : Наука, 1965. 334 с.
21. *Рогов А. И.* Александр Невский и борьба русского народа с немецкой феодальной агрессией в древнерусской письменности и искусстве // «Дранг нах остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М. : Наука, 1967. С. 32—58.
22. *Рыбаков Б. А.* Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 240 с.

23. Рыбаков Б. А. Миниатюры Радзивилловской летописи и русские лицевые рукописи X—XII веков // Радзивилловская летопись. Текст. Исследование. Описание миниатюр. СПб. : Глаголь ; М. : Искусство, 1994. С. 280—301.

24. Рыбаков Б. А. Борьба за суздальское наследство в 1174—1176 гг. (по материалам Радзивилловской летописи) // Средневековая Русь. М. : Наука, 1976. С. 89—101.

25. Сапунов Б. В. Миниатюры Радзивилловской летописи о походе Игоря на половцев // Книга в России XVI — середины XIX в. Материалы и исследования : сб. науч. тр. Л. : Наука, 1990. С. 11—27.

26. Свердлов М. Б. Из истории системы налогообложения в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье / под ред. Л. В. Черепнина. М. : Наука, 1978. С. 144—150.

27. Сизов В. И. Миниатюры Кенигсбергской летописи (Археологический этюд) // Изв. отд. рус. яз. и словесности императорской Акад. наук. 1905 г. Т. X. Кн. 1. С. 1—50.

28. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1 (А—Б). М. : Наука, 1975. 371 с.

29. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб. : Тип. императорской Акад. наук, 1893. Т. I. 1365 стб.

30. Темушев С. Н. «Белая веверица от дыма»: к вопросу о предыстории формирования налогово-даннических отношений в Древней Руси // Весн. БДУ. Сер. 3. 2011. № 1. С. 21—26.

31. Темушев С. Н. Налогово-данническая система древнерусского государства: современное понимание проблемы // Российские и славянские исследования : науч. сб. / редкол. : А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2007. Вып. 2. С. 106—112.

32. Темушев С. Н. Начальный этап складывания налогово-даннической системы Древнерусского государства // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. М. : ИВИ РАН, 2012. С. 274—280.

33. Темушев С. Н. Осуществление функции сбора налогов-дани в домонгольской Руси: круг должностных лиц государственного фиска // Studia Historica Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы : науч. сб. Минск : РИВШ, 2012. Вып. 4. С. 9—46.

34. Темушев С. Н. Опыт прочтения летописного известия о дани восточных славян хазарам // Працы гіст. фак-та БДУ : навук. зб. / рэдкал. : У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. Минск : БДУ, 2010. Вып. 5. С. 324—332.

35. Толочко А. П. Прорисовки зверей к миниатюрам Радзивилловской летописи и проблема происхождения рукописи // Ruthenica: [Зб. науковых праць]. 2005. Т. 4. С. 62—84.

36. Чернецов А. В. К изучению Радзивилловской летописи // Тр. отд. древнерус. лит.-ры. XXXVI. Л. : Наука, 1981. С. 274—288.

37. Черный В. Д. Русская средневековая книжная миниатюра: Направления, проблемы и методы. М. : РОССПЭН, 2004. 592 с.

38. Шахматов А. А. Исследование о Радзивилловской, или Кенигсбергской, летописи // Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись. Т. II: Статьи о тексте и миниатюрах рукописи. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1902. С. 18—114.

39. Янин В. Л. Средневековый Новгород : очерки археологии и истории. М. : Наука, 2004. 416 с.